

О. А. Павловская
Ивановский государственный университет

**ПОЭМА А. Н. АПУХТИНА «ГОД В МОНАСТЫРЕ»:
ПОЭТИКА ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ФОРМЫ**

Еще в начале 1870-х годов А. Н. Апухтин в стихотворении «Праздником праздник» прогностически определяет духовную драму поэтического поколения «эпохи безвременья»:

И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе! (1 : 196)

Автор сохранит это убеждение на протяжении почти двух десятилетий и в стихотворении «Когда ребенком мне случилось// услышать песнь: «Христос воскрес!» (1893) с усиленным драматизмом обобщит:

И светлой вести воскресенья
Ответит здесь, в ночной тиши,
Немая скорбь уничтоженья
Когда-то верившей души (1 : 257).

Однако обозначенные акценты не отражают всего напряжения, всей борьбы, которые опустошили душу лирического героя Апухтина. Можно предположить, что замысел поэмы «Год в монастыре» возник вследствие этих причин: обнажить процесс душевных метаний героя, показать те обстоятельства, которые оказались решающими в противоборстве с самим собой.

Мемуарные свидетельства А. В. Жиркевича (2 : 125) открывают достаточно непростую творческую историю произведения. Эти очевидные трудности, которые неоднократно испытывал Апухтин в разработке эпической формы, вероятно, можно объяснить особенностями его поэтического мироощущения. Повествовательный элемент, настойчиво внедряемый автором в лирику, не всегда обретал желаемый объем, под натиском драматически насыщенных, антиномичных переживаний эпическая форма дробилась изнутри, приближалась к циклической структуре.

«Год в монастыре» как поэма-монодия начинается с посвящения, выполненного в романсовой стилистике и являющегося прелюдией к более крупной музыкальной форме. Во вступлении обозначен основной мотив произведения, созданного на биографической основе (увлечение А. В. Панаевой-Карцовой), а также представлен романтический образ героя-поэта, для которого пережитое чувство стало источником творческого подъема и вдохновения.

Автономность «Посвящения», проступающая на стилевом, ритмико-интонационном и образном уровнях, имеет художественную функцию: «Посвящение» скрепляет поэнное пространство, придает ему целостность; герой в этой части принадлежит другой временной сфере, испытанные чувства перешли в разряд воспоминаний, а потому утратили интенсивность, психологический накал. Но при этом «Посвящение» настраивает на определенную эмоциональную волну, предвещает последующую интонационную пафосность.

РАЗДЕЛ III

В романтическом монологе, открывающем поэзное пространство, проступает безудержная страстность, противоречивость натуры лирического героя. Его прошлая – светская – жизнь противопоставлена монастырской обители:

Из мира лжи, измены и обмана,
Полуживой, я спасся наконец! (1 : 312)

Однако герой Апухтина врывается в этот мир так же стремительно, как разворачивается его монолог. И в монастырском убежище его порывистая натура ищет «подвигов и жертв».

В поэме присутствует свойственная романтическому сознанию автора дилемма – мечта и реальность. Представления лирического героя о монастыре уходят корнями в мир детства, светлых грез, чистой веры:

В ребяческих мечтах
Мне так пленительно звучало это слово,
И раем монастырь казался мне тогда (1 :313).

И даже переступив порог обители, герой продолжает жить ожиданием чуда, что также поддерживает драматическое напряжение. На противопоставлении развиваются и отношения героя с монастырем. Патетически взволнованная речь перемежается картинными описаниями монастырской жизни. Эпичность этого миробраза вырастает из слияния Церковной и Природной органики, хотя и эти описания окрашены субъективными переживаниями лирического героя, продолжающего в монастырской тиши искать ростки той жизни, которая осталась во внешнем мире, – суетной, ироничной:

Жизнь монастырская без бурь и без страстей
Мне кажется каким-то сном беспечным (1 :314).

В драматическом поле поэмы обнаруживаются и характерные для стиля Апухтина иронично-игровые пассажи, свидетельствующие о преграде между героем и монастырем:

Я с умилением и горестью сердечной
Смотрел на этот одр унынья и борьбы.
Но старец спит в нем только летом;
Теперь в гробу суровом этом
Хранятся овощи, картофель и грибы (1 :314).

Сюжетная линия произведения – пребывание героя в монастыре – развивается как психологическая коллизия веры и безверия. Именно монастырь открывает примеры истинной веры – по-детски чистой, безотчетной (образы старца Михаила, послушника Кирилла). Однако герой Апухтина умозритель, его приближение к Богу не прорастает глубокими корнями.

Произведение Апухтина построено на интонационных перепадах: драматически насыщенный монолог сменяется сдержанным описанием, эмоциональный восторг, сопровождающий внутренние просветления лирического героя, чередуется с подавленностью, вызванной внутренним разладом, дисгармонией. Инто-

национальные контрасты закрепляются и на изобразительном уровне: в дни духовного подъема герой «веждами» внимает райской красоте природного мира, в дни отчаяния его сознание приковано к картинам адских мук. В подобной архитектонике поэмы-монодии отражена внутренняя противоречивость героя, мытарства его души, блуждания между верой и безверием.

Романсовый мотив, заявленный в «Посвящении», новым драматическим аккордом откликается в судьбе героя. Через письмо брата беглец достигнут «мненьем света», письмо же оказывается ключом к тайнам сердца:

Мне дела нет до мненья света,
Но мнение одно хотел бы я узнать...
Что говорит *она*? Впервые слово это
Я заношу в заветную тетрадь... (1 :316)

Духовно-психологическая коллизия в поэме переплетается с любовной интригой. Герой совершает побег в монастырь из-за любовной драмы. Необходимая для монастырской жизни вера не дает ростки в душе, наполненной любовной страстью.

Автор обозначает жанр своего произведения как «Отрывки из дневника». Избранная форма участвует в организации повествования: наблюдая за героем по датированным записям, мы восстанавливаем драматическую историю взаимоотношений мирского сознания и духовной жизни, историю противостояния веры и безверия. В условиях нарастающего самоотторжения из монастырской среды герой не готов к покаянной исповеди, которой от него ждет пастырь; именно дневник становится той «заветной тетрадью», которой и доверяются сердечные тайны:

Ни долгою молитвой, ни постом
Из сердца вырвать не придется
Воспоминаний роковых?
Оно, как прежде, ими бьется.
Они и в снах, и в помыслах моих.
Смешно же лгать перед самим собою...
Но этих помыслов я старцу не открою! (1 : 316)

Воспоминания о возлюбленной, скрытые в глубине сердца, все более и более овладевают сознанием лирического героя, усугубляют внутренний конфликт. По мере развития любовной драмы усиливается исповедальность поэтической формы. Включение в партитуру произведения фрагмента Всенощного песнопения свидетельствует о нарастании той духовной силы, которая ставит героя перед Богом, заставляет открыть свое сердце:

О Боже! не народ – последний из людей
Зовет Тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.

Пребывание в монастыре изменяет мироощущение героя: духовно-психологическая драма, стремление познать Бога очищают его сердце. Воспоминания

РАЗДЕЛ III

о прошлом уже тяготят душу и все более воспринимаются как грех. Сюжетные коллизии поэмы столь тесно переплетаются, что герой оказывается в стихии противостояния истинной веры и земной страсти. Столкновение этих сил определяет и кульминацию сюжетного действия. Случайная встреча накануне причастия с образом-воспоминанием лишает героя духовных опор, выбивает из монастырского уклада:

Но с тех пор я исповедь и пост –
Все позабыл, молиться я не смею,
Покинула меня святая благодать...(1 :321)

В кульминационном противоборстве веры и страсти последнее оказывается сильнее. Любовное чувство вонзается в сознание героя. Кратковременное возвращение на духовную стезю лишь усиливает осознание человеческой слабости, собственной греховности. Любовное томление иссушает душу лирического героя и повергает в новую бездну сомнений, становится ступенью к очередному грехопадению.

Теперь я не прошу ни счастья, ни забвенья,
Нет у меня ни сил, ни слез...
Пошли мне смерть, пошли мне смерть скорее! (1 : 325)

Чувство греха является признаком включения героя в систему религиозного миропонимания. Импульсы духовного прозрения позволяют осознать свое состояние именно как противостояние Божественной силе и следующее за этим наказание принять с должным смирением. Однако ниспосланная болезнь духовно не исцеляет героя. И в болезненном бессознании герой оказывается между двух стихий: плотской и духовной, земной и небесной. Первая хранит воспоминания о земной любви, манит чувственным наслаждением и возвращает в мир грешный. Вторая, явленная в материнском образе, обращает героя к истокам бытия, в бессознательно-детское состояние защищенности:

Меня, казалось, чьи-то руки грели,
И чей-то голос тихо напевал...(1 : 326)

Материнская колыбельная разливается умиротворяющими звуками в душе героя: мать, как небесная покровительница, избавляет героя-сына от одиночества, утешает в мирских скорбях. В песне матери спасительное напутствие:

И в этот час одна я видеть смела,
Как сердце разрывается твое...
Но я сама любила и терпела,
Сама жила – терпи, дитя мое! (1 : 326)

Однако пронзительно-духовное слово матери не получает отклика в душе героя. Слово попадает в пустоту, порожденную изнурительным противостоянием веры и безверия.

Поэма Апухтина «Год в монастыре» заканчивается побегом героя. Любовная страсть уводит его со стези духовных обретений, извлекает из обители Бога. «Пять

строк», полученные героем от возлюбленной, воспаляют силу страстей и гонят из «тихой, смиренной обители».

В сознании человека, готовящегося к монашескому обету, ситуация побега проигрывается как грех – воровство духовных ценностей, стяжение которых и открывает монастырь. Однако эти кратковременные пробуждения духовного сознания, как и всплески больной души, остаются запечатленными лишь на страницах монастырского дневника. Покидая обитель, герой оставляет и свои записи – историю своих духовных обретений и потерь, свою исповедь, надеясь в лице читающей братии найти исповедника и получить христианское прощение:

Нет, верьте: не лгала душа моя больная,
Я оставляю здесь правдивый мой дневник,
И, может быть, хотя мой грех велик,
Меня простите вы, его читая (1 : 328–329).

Таким образом, под пером А. Н. Апухтина дневник как форма выражения психологических переживаний приобретает признаки исповедальной формы: в документированном виде запечатлен отрезок жизни человека – сущностный период его познания Бога и оскудения веры, период напряженных духовных поисков и падений. Духовные переживания героя вызваны попыткой обрести себя в новом пространстве – испытать на духовной стезе монастырской обители. Адресуя дневник монастырской братии, герой Апухтина надеется не только на христианское понимание и прощение, но и на то, что его опыт будет близок и понятен каждому.

Включаясь в литературную традицию использования исповедальной формы, А. Н. Апухтин нарушает сложившиеся у поэтов-предшественников (М. Ю. Лермонтова, А. А. Григорьева) сюжетные установки: лирический герой открывает тайник своей души не в предсмертном состоянии, а под воздействием жизненных обстоятельств, вынужденное укрытие в монастыре становится духовным испытанием. Герой попадает в тот мир, в котором душевные «изломы» проступают более отчетливо, а вопросы веры обретают существенность. Герой поэмы Апухтина полон жизненных сил, потому его связи с внешним миром – то скрытые, то проявленные – растлевают зарождающуюся веру.

Сложная архитектура лирического дневника Апухтина, включающая приемы духовной и светской музыкальной культуры, эпистолярные формы и картинные повествования, выражает драматизм столкновения светского мировосприятия и духовного мироощущения. В исповедальной форме А. Н. Апухтин открывает драматический опыт духовного самоопределения человека 80–90-х годов XIX века.

Библиографический список

1. Апухтин А. Н. Год в монастыре. *Отрывки из дневника* // Апухтин А. Н. Полн. собр. соч. / вступ. ст. М. В. Отрадина, сост., подгот. текста и примеч. Р. А. Шацевой. Л., 1991.
2. Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича. Публ. Н. Г. Подлесских-Жиркевич, прим. С. В. Сапожкова и Н. Г. Подлесских-Жиркевич // Русская литература. 1998. № 4.